

Научная статья

УДК 81'371

doi: 10.47475/1994-2796-2022-10303

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ ЛЕКСИКИ КАК СЛЕДСТВИЕ ЕЕ ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XIX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ А. П. ЧЕХОВА)

Юлия Георгиевна Захарова

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, zug1977@inbox.ru

Аннотация. Рассматриваются содержание термина семантическая деривация и основные типы деривационных процессов в семантической структуре слова. Путем сравнения писем А. П. Чехова с другими источниками выявляется ряд понятийных сфер, в которых в конце XIX в. наблюдалась детерминологизация лексем, сопровождавшаяся генерализацией, сужением значения или его метафоризацией.

Ключевые слова: семантическая деривация, детерминологизация, метафоризация значения, гипер-гипонимия, коннотация, модель семантической деривации

Для цитирования: Захарова Ю. Г. Семантическая деривация лексики как следствие ее детерминологизации в русском языке конца XIX в. (на материале писем А. П. Чехова) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 22—29. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10303.

Original article

SEMANTIC DERIVATION OF VOCABULARY AS A CONSEQUENCE OF ITS DETERMINOLOGIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE LATE 19TH CENTURY (EXEMPLIFIED BY A. P. CHEKHOV'S LETTERS)

Yuliya G. Zakharova

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, zug1977@inbox.ru

Abstract. The article deals with the content of the term “semantic derivation”, the main types of derivational processes in the semantic structure of the word. Semantic derivation refers to both the relations of semantic derivation of the meanings of one word in synchrony and the relations between the meanings of a word at different points in its history. Two basic principles are defined on which the change of the denotative core of meaning is based — analogies and connections. The action of the connection principle includes metonymy and deviation. The action of the principle of analogy includes transfer by similarity (metaphor), figurative-associative transfer, hyper-hyponymy. By comparing the letters of A. P. Chekhov with other sources (literary-critical, journalistic, artistic), a number of conceptual spheres are revealed, in which at the end of the 19th century there was a determinologization of lexemes, accompanied by generalization, narrowing of meaning or its metaphorization: biology, medicine, astronomy, mathematics, handicraft production.

Keywords: semantic derivation, determinologization, metaphorization of meaning, hyper-hyponymy, connotation, model of semantic derivation

For citation: Zakharova YuG. Semantic derivation of vocabulary as a consequence of its determinologization in the Russian language of the late 19th century (exemplified by A. P. Chekhov's letters). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(3(461):22-29. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-10303.

Термин *семантическая деривация* стал активно употребляться в лингвистических исследованиях с конца XX в. [9. С. 13]. Он используется для

именования процесса семантических изменений в диахронии и их результата в синхронии. Под семантической деривацией понимаются отношения семантической производности двух типов: между разными значениями одного слова при синхрон-

ной полисемии и между лексико-семантическими вариантами слова в диахронии в разные моменты его истории [Там же. С. 15].

Семантическая деривация как процесс включает два этапа: 1) появление у слова производных значений, семантических коннотаций, то есть расширение семантического объема слова и формирование семантического синкретизма и 2) распад семантического синкретизма, как результат — формирование полисемии [15. С. 36]. В основе семантической деривации лежит когнитивный механизм: вторичное использование языкового знака свидетельствует о том, что слово — это инструмент «когнитивного освоения реальности, средство концептуализации новых объектов и ситуаций, средство не только что-то назвать, но и что-то осмыслить» [12. С. 55]. В результате семантической деривации нередко происходит не только преобразование ядерной части значения, но и «семантическое приращение прагматического характера» [28. С. 198].

Семантическая деривация представляет собой частный случай деривации в широком понимании этого термина: «В процессах деривации происходит изменение формы (структуры) и семантики единиц, принимаемых за исходные. В содержательном отношении это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении (при так называемой семантической деривации), новой функции, либо на создание нового знака путем преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка в тех же целях» [11. С. 129]. Е. В. Падучева полагает, что термин *семантическая деривация* отождествляет в семантическом плане соотношения между значениями слова при полисемии и соотношения между словом и его словообразовательным дериватом. Семантическая деривация «предстает как частный случай обычной лексической деривации — словообразования» [20. С. 147]. Ту же мысль высказывал Ю. Д. Апресян: «Семантические отношения между разными значениями некоторых многозначных слов могут быть подобны семантическим отношениям внутри определенного словообразовательного типа» [2. С. 175]. Сходство семантической и словообразовательной деривации, по мысли А. И. Ольховской, заключается во взаимодействии трех структурных компонентов: производящей единицы, производной единицы и языкового средства, на базе которого производящая единица трансформируется в производную [17. С. 9; 19. С. 21].

Существует два основных принципа, на которых базируется изменение денотативного ядра значения, — аналогии и связи.

Принцип связи охватывает пространственную, временную смежность, имплицативно-логическую, причинную, семиотическую связь [12. С. 56]. К действию принципа связи можно отнести метонимию и девиацию. Девиационные изменения представляют собой перераспределение иерархического статуса ядерных и периферийных сем при сохранении архисемы [16. С. 11]. Потенциальная сема производящего значения преобразуется в ядерную сему производного, семантический сдвиг при этом оказывается очень значительным, вплоть до формирования энантиосемии.

К действию принципа аналогии можно отнести перенос по сходству (метафору), образно-ассоциативный перенос, гиперо-гипонимию [16. С. 11; 18. С. 37] (по другой терминологии, генерализация и специализация, расширение и сужение значения). Выделяют также тип преобразований, который касается прагматического компонента семантики слова [16. С. 12]. Его можно назвать коннотативным. Он представлен двумя вариантами: 1) меняется оценочность лексемы — из положительной превращается в отрицательную или наоборот, 2) нейтральное слово приобретает отрицательную оценочность.

XIX в. характеризуют как эпоху быстрого развития научной мысли, которое достигло особой интенсивности к 1860-м гг., прежде всего в области точных наук и естествознания [27. С. 352]. Вместе с тем в ряде терминологических подсистем наблюдался процесс детерминологизации лексических значений, их выхода за рамки определенной области знаний, появления на фоне основных значений новых, образно-переносных: «С точки зрения чисто количественной, мы имеем здесь дело с так называемым “расширением значения”, во всяком случае с расширением предметной отнесенности слова» [Там же].

Письма А. П. Чехова позволяют проследить деривационные изменения в семантике ряда слов, имеющих отношение к разным предметным областям: биологии, медицине, астрономии, математике, ремесленному производству и др. Письма использовались в качестве основного материала исследования, но для полноты и объективности выводов об истории формирования значений слов привлекались и тексты других авторов (литературно-критические, публицистические, художественные).

Слово *атавизм* фиксируется в словарях с 1860-х гг. Первоначально оно употреблялось в значении термина биологии, это значение приводится первым в Словаре Академии наук (1891):

«1. Биол. Возвращение первоначального типа породы в дальнейших ее видоизменениях» [25. Т. 1, вып. 1. С. 79].

Одно из писем А. П. Чехова говорит о том, что к концу века в речи слово приобрело переносное (метафорическое) значение и стало использоваться для именованья каких-либо особенностей поведения человека, связанных с образом жизни его предков:

«Да, *атавизм* великая штука. Коли деда и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе» (Ал. П. Чехову, 1892) [29. Т. 5. С. 120].

Такое же употребление слова встречается в повести П. Д. Боборыкина «Однокурсники» [3. С. 54].

Письма А. П. Чехова отражают процесс переосмысления в русском языке конца XIX в. ряда медицинских терминов, связанных с психиатрией. Формируются метафорические модели «психическое заболевание» → «обостренное, эмоциональное восприятие чего-либо», «необычная, странная реакция»; «психически больной человек» → «человек с особенностями поведения».

Реализацию первой модели можно видеть в употреблении, контекстном окружении слов *психоз* и *психопатия*.

Термин *психоз* (фр. *psychose* < *psychē* душа [10. С. 575]) впервые фиксируется в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1898) в качестве синонима к термину *психическое заболевание* [32. Т. 25а. С. 677]. Одно из писем демонстрирует формирование у этого существительного переносного значения «крайне болезненная, острая реакция на что-либо», его детерминологизацию:

«Больные для нее сушая пытка, и с ними она мнительна до *психоза*» (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 2. С. 278].

Слово *психопатия* фиксируется в словарях с 1905 г. со значением термина психиатрии: «Мед. легкое болезненное состояние духа» [7. С. 550]. Письма А. П. Чехова показывают, что в конце века в речи слово стало употребляться в переносном значении, которое впервые получает отражение в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1910): «В переносном значении употребляется в смысле эксцентричности, странных выходок» [31]. А. П. Чехов использует это слово по отношению к хвалебным речам (Чеховым, 1887) [29. Т. 2. С. 160], изменениям в своем настроении, связанным с равнодушием (А. С. Суворину, 1889) [Там же. Т. 3. С. 203—204].

Вторая модель отражена в семантической структуре феминитива *психопатка*. Это слово впервые

фиксируется в качестве медицинского термина в третьем издании словаря В. И. Даля (1907): «Психопат м., -тка ж. — человек ненормальный, душевно больной, сумасшедший» [6. Т. 3. С. 1400—1401].

Разные источники XIX в., в том числе письма А. П. Чехова, свидетельствуют о деривационном (метафорическом) сдвиге значения слова *психопатка* в конце XIX в.: в кругах, имевших отношение к искусству, литературе, театру, психопатками стали называть экзальтированных поклонниц артистов, писателей, художников и пр.

О начале формирования в обществе такого типа групп и появлении нового значения слова писал в 1895 г. А. В. Амфитеатров («Отравленная совесть») [1]. Н. В. Давыдов в воспоминаниях о Москве 1850—60-х гг. подчеркивал, что понятие *оперные психопатки* в то время еще не появилось [4. С. 62].

А. П. Чехов в 1880—90-х гг. неоднократно использовал слово *психопатка*, называя им восторженных поклонниц литературного творчества, — например, в письмах М. В. Киселевой 1887 г. [29. Т. 2. С. 144] и 1888 г. [Там же. С. 168], А. С. Суворину 1895 г. [29. Т. 6. С. 56].

Та же метафорическая модель выявляется в семантике слова *маньяк*.

Существительное было заимствовано из французского языка (ср. фр. *maniaque* «помешанный, сумасшедший» [13. С. 774]), впервые фиксируется в словаре иностранных слов 1861 г. с тем же значением — «безумный, сумасшедший» [22. С. 293].

Письма А. П. Чехова 1880-х гг. показывают, что в это время на базе семы «одержимый» сформировалось переносное значение «страстно увлеченный чем-либо человек». Слово встречается в новом значении в контекстах, связанных с какими-либо увлечениями, писательской деятельностью: *маньяки-рыболовы* (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 2. С. 277—278]; *маньяки, пишущие книги и пьесы для собственного удовольствия* (А. С. Суворину, 1888) [Там же. Т. 3. С. 98]; *литературный маньяк* (А. С. Суворину, 1891) [Там же. Т. 4. С. 307].

Существительное *пертурбация* было заимствовано в середине века из французского языка в качестве термина астрономии: «*астр.* отклонения планет от их эллиптических путей вокруг Солнца, от действия на них других планет» [22. С. 395].

Эпистолярный А. П. Чехова позволяет сделать вывод о том, что во второй половине столетия у слова наблюдалась генерализация значения и детерминологизация. Новое значение — «резкое изменение в чем-либо» — является основным в современном русском языке. В письмах оно реали-

зуются в контекстах, связанных с психической, умственной, творческой деятельностью человека (А. Н. Плещееву, 1889 г. [29. Т. 3. С. 185, 248]), социальной жизнью (Ал. П. Чехову, 1894 г. [Там же. Т. 5. С. 299]; Я. А. Корнееву, 1894 г. [Там же. С. 279]), физиологическими процессами (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 1891 г. [29. Т. 4. С. 328]).

Интересна история семантики слова *корпуленция* в русском языке XVIII—XIX вв. Судя по данным Словаря русского языка XVIII в., это существительное заимствовано в русский язык из латинского в качестве термина математики: «*Мат. Объем тела*» [24], но в течение XVIII в. вышло из употребления. Материал Национального корпуса русского языка показывает, что с 1870-х гг. оно снова стало употребляться, но уже в нетерминологическом значении. Пример использования слова в новом значении встречается в письме А. П. Чехова: *кувалдистая корпуленция* (Н. А. Лейкину, 1887) [29. Т. 2. С. 113].

Впервые это значение фиксируется в словаре иностранных слов А. Н. Чудинова (1894): «*Корпуленция* (лат. *corpulentia*) — дородность, тучность» [30. С. 423]. В Словаре Академии наук (1913) содержится уточнение: слово имело полушутливый характер и использовалось только по отношению к комплекции человека [25. Т. 4, вып. 7. С. 2240].

Таким образом, можно наблюдать детерминологизацию слова и сужение его семантического объема (гипонимический сдвиг): в новом значении появляются дифференцирующие семы «телосложение», «человек», «крупный», кроме того, формируется коннотативный (эмотивный) компонент. Несмотря на то что в словарях XIX в. в качестве источника заимствования назван латинский язык, по-видимому, его повторное появление в русском языке было связано с влиянием французского языка, ср. «*corpulence — дородность, дебелость*» [13. С. 309].

Интересно употребление существительного *рантье* (*рантьер*) в письмах А. П. Чехова. Это слово в качестве термина социологии было заимствовано из французского языка, впервые (во французской и русской графике) отмечается в Словаре иностранных слов 1861 г.: «*Rentier* (рантье) фр. Живущий своими доходами или процентами» [22. С. 435]. А. П. Чехов называет *рантьерами* (*рантье*) писателей, живущих на доходы от предыдущей литературной деятельности (показа спектаклей по пьесам автора в театрах, продажи литературной продукции): А. Н. Плещееву, 1889 г. [29. Т. 3. С. 254]; Ал. П. Чехову, 1887 г. [Там же. Т. 2. С. 25].

В письмах А. П. Чехова встречается несколько слов, характеризующих художественное творчест-

во и первоначально относившихся только к сфере искусства или ремесла.

Сравнение материала писем А. П. Чехова с другими источниками позволяет увидеть параллельное семантическое развитие слов *архитектура* и *архитектоника*.

Судя по данным Национального корпуса русского языка, 1860-ми гг. датируются самые ранние примеры употребления существительных в переносном значении, с этого времени наблюдалась конкуренция между однокоренными словами, ср.: *архитектоника поэмы* (Ф. И. Буслаев. Русский народный эпос, 1861) [14]; *архитектура трагедии* (А. К. Толстой. Проект постановки на сцену трагедии «Царь Федор Иоаннович», 1868) [Там же].

Впервые переносное (метафорическое) значение фиксируется в Словаре Академии наук (1895) только у одного из слов — *архитектоника*: «2. *Искусство построения системы; художественное расположение» [25. Т. 1. С. 73]. Метафоризация и детерминологизация значения слова *архитектура* в словарях XIX в. и более позднего времени не отражена. Однако неоднократное употребление его в переносном значении разными авторами XIX в. (по данным Национального корпуса) говорит о том, что семантический сдвиг наблюдался и в этом слове. В письмах А. П. Чехова существительное *архитектура* используется в новом значении по отношению к художественным произведениям: *архитектура пьесы* (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 3. С. 93]; *архитектура романа* (Н. А. Лейкину, 1888) [Там же. Т. 2. С. 270]; *архитектура водевиля* (А. С. Лазареву (Грузинскому), 1889) [Там же. Т. 3. С. 273]; *архитектура рассказа* (Л. А. Авилловой, 1892) [Там же. Т. 4. С. 359].

Применительно к текстам художественных произведений А. П. Чехов использовал также глаголы *шлифовать* (*пошлифовать*) и *лакировать* (*полакировать*), которые демонстрируют формирование во второй половине XIX в. в сфере ремесленной терминологии семантической деривационной модели «обрабатывать какой-либо материал, делая его гладким, блестящим» → «совершенствовать что-либо, улучшать»: *пошлифовать и полакировать рассказ* (А. Н. Плещееву, 1889) [Там же. Т. 3. С. 239].

Первый пример использования слова *шлифовать* в переносном значении (применительно к литературному произведению) встретился нам в работе Д. И. Писарева «“Берлин. Осенняя сказка” Генриха Гейне» (1861): *шлифовать стихи* [21].

Судя по примеру из работы В. П. Авенариуса «Юношеские годы Пушкина» (1888), где глагол заключен в кавычки: «вращение в семейном кругу

и женском обществе «*илифует*» угловатые манеры» [14], метафоричность значения и его новизна ощущались до конца XIX в.

В речи метафорические сдвиги наблюдались также у глагола *лакировать*. В письме А. П. Чехова слово употреблено в значении «совершенствовать», в Словаре Академии наук (1915) в качестве территориально ограниченного (областного) фиксируется более узкое переносное значение «придавать блестящую внешность, внешний лоск. Петерб. (проф. Шляпкин)», ср. *лакировка* «Переносно: светскость, светский лоск (акад. Соболевский)» [25. Т. 5, вып. 1. С. 139].

По-видимому, переносные значения, отраженные в словаре, возникли под влиянием глагола *полировать*, у которого с XVIII в. в речи существовал метафорический дериват «сообщать кому-либо, чему-либо светский лоск, манеры» [8]. Позднее, в XX в., в качестве узуального в литературном языке закрепилось отрицательно окрашенное значение «приукрашивать, приглаживать; скрывать недостатки» [26. Т. 6. С. 41].

Формирование переносного (метафорического) значения в конце XIX в. было характерно и для существительного *ретушь*.

Судя по данным словарей, сначала в русском языке стал употребляться глагол *ретушировать* (франц. *retoucher*) и производные от него *ретуширование*, *ретушировка*, *ретушер*, *рету-*

шировщик [5. Т. 4. С. 84]. Глагол впервые фиксируется в качестве термина, связанного с искусством, в первом издании словаря В. И. Даля (1866) [Там же]. Производящее существительное *ретушь* (фр. *retouch*) было заимствовано позднее, в конце XIX в., первое отражение оно получило в словаре иностранных слов М. Попова (1904) в значении термина фотографии [23. С. 337].

Письма А. П. Чехова — один из ранних источников, демонстрирующих появление у слова *ретушь* семантического деривата «обработка, отделка чего-либо с целью улучшения»:

«В “Иванове” я радикально переделал 2 и 4 акты. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул *ретуши* и проч.» (А. С. Суворину, 1888) [29. Т. 3. С. 15];

«Написал я рассказ, который и посылаю одновременно с сим письмом. Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в *ретуши*» (А. С. Суворину, 1890) [Там же. Т. 4. С. 36].

Итак, письма А. П. Чехова — это ценный лингвистический источник, позволяющий судить о развитии лексико-семантической системы русского языка конца XIX в., в частности о таком процессе, как детерминологизация, которая была связана с формированием в семантической структуре слов метафорических значений или с гиперо-гипонимическими сдвигами.

Список источников

1. Амфитеатров А. В. Отравленная совесть. М.: Росмэн, 2002. URL: http://www.azlib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0290.shtml.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. 472 с.
3. Боборыкин П. Д. Однокурсники // Вестник Европы. 1901. № 1. С. 51—100.
4. Давыдов Н. В. Из прошлого. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1913. 433 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Тип. А. Семена, 1863—1866.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Т-во М. О. Вольф, 1903—1909.
7. Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней. М.: Изд. А. А. Ступина, 1905. 768 с.
8. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. URL: <http://gallicismes.academic.ru>.
9. Зализняк А. А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13—25.
10. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2000. 856 с.
11. Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Деривация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Бол. Рос. энцикл., 1990. С. 129.
12. Кустова Г. И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 53—79.
13. Макаров Н. П. Полный французско-русский словарь: подгот. по изд. 1884 г. М.: АСТ-Астрель, 2004. 1309 с.

14. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
15. Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий *семантическая деривация* и *семантическое словообразование* в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2011. № 2 (14). С. 33—46.
16. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 45 с.
17. Ольховская А. И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 24 с.
18. Ольховская А. И. О гипонимическом способе развития многозначности // Вопросы лексикологии и лексикографии. 2012. № 3. С. 34—50.
19. Ольховская А. И. Семантическая деривация и иные механизмы формирования лексической многозначности // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 1. С. 21—26.
20. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славян. культуры, 2004. 607 с.
21. Писарев Д. И. «Берлин. Осенняя сказка» Генриха Гейне. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1861_osennya_skazka.shtml.
22. Печаткин Е. П. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1861. 574 с.
23. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. 458 с.
24. Словарь русского языка XVIII в. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 1—19. Л., СПб.: Наука, 1984—2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>.
25. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. 1—4. СПб.: Тип. Император. академии наук, 1891—1916.
26. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М., Л.: Наука, 1950—1965.
27. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е — 90-е годы XIX в. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.
28. Хасанов Э. Р. О специфике семантической и лексической деривации в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 198—203.
29. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. Т. 1—9. М.: Наука, 1974—1980.
30. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: изд. В. И. Губинского. 1-е изд. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 989 с.
31. Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1910. URL: <https://dic.academic.ru>.
32. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 25а. СПб.: Семенов. Типолитография (И. А. Ефрона), 1898. 489 с.

References

1. Amfiteatrov AV. Otravlenyaya sovest = Poisoned conscience. Moscow: Rosmen Publ.; 2002. Available from: http://www.azlib.ru/a/amfiteatrow_a_w/text_0290.shtml (In Russ.).
2. Apresyan YuD. Leksicheskaya semantika = Lexical semantics. In: Selected works. Vol. 1. Moscow: School “Yazyki russkoj kultury”; 1995. 472 p. (In Russ.).
3. Boborykin PD. Classmates. *Vestnik Evropy* = *Bulletin of Europe*. 1901(1):51-100. (In Russ.).
4. Davydov NV. Iz proshlogo = From the past. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership; 1913. 433 p. (In Russ.).
5. Dal VI. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. = The explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vol. Moscow: Printing house of the A. Semyon; 1863—1866. (In Russ.).
6. Dal VI. Tolkovyj slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. = The explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vol. Moscow: The Association M. O. Wolf; 1903—1909. (In Russ.).
7. Dubrovskij N. Polnyj tolkovyj slovar vsekh obshcheupotrebitelnykh inostrannykh slov, voshedshikh v russkij yazyk, s ukazaniem ih kornej = A complete explanatory dictionary of all commonly used foreign

words that have entered the Russian language, with an indication of their roots. Moscow; 1905. 768 p. (In Russ.).

8. Epishkin NI. Istoricheskij slovar gallicizmov russkogo yazyka = Historical dictionary of the Russian language gallicism. Moscow: ETS; 2010. Available from: <http://gallicismes.academic.ru> (In Russ.).

9. Zaliznyak AA. Semantic derivation in synchrony and diachrony: the project of the “Catalog of Semantic Transitions”. *Voprosy yazykoznanija = Issues of Linguistics*. 2001;(2):13-25. (In Russ.).

10. Krysin LP. Tolkovyj slovar inoyazychnykh slov = Explanatory dictionary of foreign words. Moscow: Russkij yazyk; 2000. 856 p. (In Russ.).

11. Kubryakova ES, Pankrac YuG. Derivaciya = Derivation. In: Yarceva VN (ed.). *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar = Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya; 1990. P. 129. (In Russ.).

12. Kustova GI. On the semantic potential of the words of the energy and experimental sphere. *Voprosy yazykoznanija = Issues of Linguistics*. 2005;(3):53-79. (In Russ.).

13. Makarov NP. Polnyj francuzsko-russkij slovar = Full French-Russian Dictionary. Prepared according to the 1884 edition. Moscow: AST-Astrel; 2004. 1309 p. (In Russ.).

14. Nacionalnyj korpus russkogo yazyka = Russian national corpus. Available from: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (In Russ.).

15. Nekipelova IM. On the question of the delimitation of concepts semantic derivation and semantic word formation in the diachronic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Filologiya” = Bulletin of Tomsk State University Philology Series*. 2011;(2(14)):33-46. (In Russ.).

16. Nikiforova YeB. Semanticheskaya evolyuciya leksicheskoj sistemy russkogo yazyka: tendencii, vektory, mekhanizmy = Semantic evolution of the lexical system of the Russian language: trends, vectors, mechanisms. Abstract of thesis. Volgograd; 2008. 48 p. (In Russ.).

17. Olkhovskaya AI. Leksicheskaya mnogoznachnost v obshchelingvisticheskom i leksikograficheskom rassmotrenii = Lexical polysemy in general linguistic and lexicographic consideration. Abstract of thesis. Moscow; 2013. 24 p. (In Russ.).

18. Olkhovskaya AI. On the hyponymic way of developing ambiguity. *Voprosy leksikologii i leksikografii = Questions of Lexicology and Lexicography*. 2012;(3):34-50. (In Russ.).

19. Olkhovskaya AI. Semantic derivation and other mechanisms of lexical ambiguity formation. *Vestnik CMO MGU = Bulletin of the MSU CMO*. 2013;(1):21-26. (In Russ.).

20. Paducheva EV. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury; 2004. 608 p. (In Russ.).

21. Pisarev DI. “Berlin. Osennyaya skazka” Genrikha Gejne = “Berlin. Autumn Fairy Tale” by Heinrich Heine. Available from: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_1861_osennya_skazka.shtml (In Russ.).

22. Pechatkin EP (ed.). Polnyj slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka = Complete dictionary of foreign words included in the Russian language. St. Petersburg: Printing house of the K. Vulf; 1861. 574 p. (In Russ.).

23. Popov M. Polnyj slovar inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke = Complete dictionary of foreign words that have come into use in the Russian language. Moscow: Printing house of the I. D. Sytin Partnership; 1904. 458 p. (In Russ.).

24. Sorokin YuS (ed. in ch.). Slovar russkogo yazyka XVIII v. = Dictionary of the Russian language of the XVIII century. Iss. 1—19. Leningrad, St. Petersburg: Nauka; 1984—2011. Available from: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (In Russ.).

25. Slovar russkogo yazyka, sostavlenyj Vtorym otdeleniem imperatorskoj Akademii nauk = The dictionary of the Russian language, compiled by the Second division of the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences; 1891—1916. (In Russ.).

26. Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. = Dictionary of modern Russian literary language. In 17 vol. Moscow, Leningrad: Nauka; 1950—1965. (In Russ.).

27. Sorokin YuS. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30-e — 90-e gody XIX v. = The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30—90th years of XIX century. Moscow; Leningrad: Nauka; 1965. 565 p. (In Russ.).

28. Khasanov ER. On the specifics of semantic and lexical derivation in modern Russian language. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2018;(6(416)):198-203. (In Russ.).

29. Chekhov AP. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Pisma: v 12 t. T. 1—9 = Complete works and letters: in 30 vol. Letters: in 12 vol. Vol. 1—9. Moscow: Nauka; 1974—1980. (In Russ.).

30. Chudinov AN. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka = Dictionary of foreign words included in the Russian language. St. Petersburg: Printing house of S. N. Khudekov; 1894. 989 p. (In Russ.).

31. Chudinov AN. Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v sostav russkogo yazyka [Dictionary of foreign words included in the Russian language]. St. Petersburg; 1910. Available from: <https://dic.academic.ru> (In Russ.).

32. Brokgauz FA, Efron IA. Enciklopedicheskij slovar = Encyclopedic Dictionary. Vol. 25a. St. Petersburg: Semyonovskaya typolithography; 1898. 489 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Г. Захарова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела.

Information about the author

Yuliya G. Zakharova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Publishing.

Статья поступила в редакцию 27.09.2021; одобрена после рецензирования 11.12.2021; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 27.09.2021; approved after reviewing 11.12.2021; accepted for publication 25.02.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.